

ВЕРОНИКА

ОБМЕН

МЕЛАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вероника Мелан

Обмен

«Вероника Мелан»

2026

Мелан В.

Обмен / В. Мелан — «Вероника Мелан», 2026

Марианна Кравец, работающая в офисе Московской компании, считает себя вполне заурядной – средняя внешность, неплохие профессиональные навыки, скучноватый, слишком педантичный характер. Чтобы разбавить рутину и быт, Марианна посещает выставку «Древних сокровищ Варравии», где касается загадочного камня без особенной веры в то, что тот поможет «одинокому сердцу» найти судьбу. Но случается странное: на следующий день Марианну закидывает в чужое женское тело и чужой мир, где она должна помочь неизвестному мужчине пробраться через зараженные квадраты, чтобы доставить в НИИ вакцину, а компаньонку незнакомца камень помещает в тело Марианны. Что за хаос, если тебя швыряет из родного мира в далекие земли и обратно? И как контролировать действия рыжей Лейлы, которая временно занимает твой дом? Вероятно, единственный выход из сложной ситуации – еще раз коснуться загадочного камня, но для этого придется вновь отыскать выставку, которая бесследно исчезла.

© Мелан В., 2026

© Вероника Мелан, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13

Вероника Мелан

Обмен

Глава 1

Обмен

Глава 1

(Halsey - Without Me)

Здесь

«Как настроение?» - я как раз смотрела на сообщение, пришедшее от Эда – щеголеватого маркетолога, работающего этажом выше, - размышляя, стоит ли отвечать, когда вошла деловитая и немолодая секретарь начальника.

- Марианна Алексеевна, через пять минут начнется встреча. Конференц-зал номер два, вас там ждут.

- Иду, спасибо.

Москва, но не центр, ближе к окраине. Солнечный день. В компании «МедиаКом» я всего три недели, числюсь на должности «стажер», выполняю обязанности разнорабочего – частично секретаря, частично делопроизводителя. Копирую документы, проверяю грамотность составления отчетов, в следующем месяце хочу попроситься в отдел статистики, где мне самое место. Если за оставшуюся неделю зарекомендую себя надежным, ценным и ответственным работником, Роберт, мой босс, не откажет. Хотелось в это верить. У статистиков зарплата выше.

Оставив на столе чужой отчет, который проверяла, и розовый квадратный стикер со списком необходимых покупок на вечер, я покинула кабинет. По коридорам шагала уверенно, за три недели более-менее изучила хитросплетение лестниц, расположение лифтов и кабинетов. В целом, в «МедиаКоме» мне нравилось. Продавливая каблучками туфель низкий ворс коврового покрытия, я размышляла о двух вещах – о том, что зря, наверное, сегодня надела это бежевое платье. Мне двадцать семь, отношений нет, но я свежа, стройна и не теряю надежды встретить кого-нибудь интересного. Отсюда желание выглядеть привлекательно. Второй же вещью, занимавшей мой ум, было желание поговорить с Робертом о том, чтобы за такие вот «международные конференции», на одной из которых мне предстояло сейчас выступить переводчиком с английского на русский и обратно, мне доплачивали. Ибо секретарь – одна профессия, статистик – вторая, переводчик – третья. Если начальник человек честный, должен понять, что возложение всего подряд на одного человека требует увеличения поощрения.

В момент, когда я шла по коридору, я помнила всё – ткань, льнущую к ногам, чуть прохладный воздух, касающийся лица, щекотание щек прядями волос – я к нему давно привыкла, так как всегда оставляла свои прямые светлые волосы распущенными. Помнила, как потрогала ремень с золотой пряжкой (слишком вызывающий для делового стиля?), как убеждала себя, что шелковый шарфик на шее балансирует образ в приемлемый для конференции.

Я пребывала в моменте. Миновала закуток с кофемашиной, собиралась достичь конца коридора и свернуть направо.

Когда в первый раз случилось «это».

Мир качнулся. Всего на несколько градусов, и мне мгновенно поплохело. Так бывает, когда резко падает давление - и сразу же хочется есть.

Но сесть я не успела.

Там

(Hybrid Core Music + Sound - Can't Stop This)

Я очнулась в машине. За окном темно, ночь. Машина куда-то неслась, салон трясло. Открыла глаза и никак не могла понять, когда я успела уснуть. Потому что так неожиданно в ином месте просыпаются только во сне. У меня такое случалось пару раз в месяц, когда удавалось хорошо отдохнуть, набраться за выходные сил.

Но я ведь только что шагала по коридору на митинг? Помнился запах молотых зерен из подсобки – работники этажа скинулись на агрегат получше, заменили им некачественную капсульную машину. Мне до лифта оставалось метров восемь...

Куда делись каблук, платье? Я в неудобной одежде, тяжелых ботинках, штанах. И кто, черт возьми, за рулем?

Чьим бы ни было тело, в которое я временно влезла, оно слушалось команд моего мозга – я могла поднять руки, повернуть голову. Посмотреть на водителя, вид которого меня добил. Этот мужик был большим, сосредоточенным, мускулистым. А еще он был цельным, каким-то монолитным и, кажется, судя по поджатым губам, злым. Стоило мне подумать об этом, как я ощутила отголосок бешенства – чужого бешенства, оставшегося в этом теле от чужой хозяйки.

«Чужой хозяйки? Какая странная мысль...»

В снах действительно так бывает, когда ты осознаешь себя как себя, но в чьем-то теле. Открываешь глаза как иная личность, вот только даже в самых ярких снах не бывает такой плотности ощущений, таких четких ясных запахов.

Машины потряхивало на ухабах; меня душила смесь из чувств – оцепенения, шока и подступающей паники. Не могли эти руки, которые сейчас двигались, быть моими, не мог мой зад отчетливо ощущать кожу сиденья... Что за местность? Где я вообще?

На меня глянул и отвернулся сосед.

- Лейла, какой поворот ведет на объездную дорогу вокруг сектора «Е»?

«Лейла... - это... я?»

- ... хочу миновать опасную зону, не въезжая, - добавил водитель.

Я смотрела на него во все глаза. Во-первых, я не Лейла, я ничего не знаю ни о каких поворотах, я без понятия, куда мы мчимся. Во-вторых, мне бы проснуться. Вот прямо сейчас усилием воли вырвать себя этого кошмара, потому что я не люблю напряжение и погони – я человек мирный. Неясно только, как я могла уснуть, в какой момент? Может, я сегодня еще не просыпалась, и под утро мне приснился офис, выбранное платье, момент, когда я шагаю по коридору? А после я ухнула сюда? Это бы все объяснило. Кроме реалистичности ощущений и запахов. Сны отличаются некой эфемерностью, неясностью, а этот мир (я могла поставить на это свою месячную зарплату) был... настоящим.

«Да не мог он им быть!»

Снова нетерпеливо посмотрел водитель. Губы поджаты, взгляд холодный – мне вдруг стало ясно, что этот тип и Лейла не особенно ладили. Что между ними давняя и стойкая неприязнь.

- Я... не...

Эти слова произнесла я, но мой голос отличался – звучал чуть ниже привычного.

- «Я не» - что?

- Не знаю, где поворот.

- Вспоминай!

Профиль этого жесткого человека был красивым. Черты лица, прищуренные глаза. Все – нос, рот, подбородок – были «неидеальными», но удивительно подходящими, гармоничными по отношению друг к другу. На другом человеке подобный подбородок выглядел бы слишком упрямым, нос чуть большеватым, губы и вовсе «лепными». Но на этом типе воедино в понятие мужской красоты для меня сошлось всё.

Характер только подкачал. Я никогда не общалась со «стальными» мужчинами, собственно, они мне вовсе не встречались. А этот, судя по всему, был военным, привык командовать...

- Не молчи, - гаркнули на меня негромко, но я заиндевели, - не люблю, когда молчат в ответ на мои вопросы.

Вот же... пристал... Мне никак не удавалось проснуться, и это нервировало.

Спустя секунду я поняла, что мужик этот не просто военный и не просто сильный, но что-то умел. Обладал некоей силой, потому что его аура прессовала, она плющила меня, мяла, как каток фольгу.

- Я не могу... вспомнить.

- Не вовремя!

Судя по тому, что машина продолжала нестись, время утекало. Поле, которое окружало мужика, потрескивало от злости. Меня сминало в нем, как от разрядов электричества, и я начинала злиться в ответ.

- У тебя есть навигатор! Он что, повороты не показывает?

- Лейла...

Тихо сказано, почти шепотом, но у меня волосы на загривке встали дыбом. Потому что то, как было произнесено это имя, впитало в себя иной смысл. Похожий на «мы зависим от тебя; если прямо сейчас ты хочешь подставить наши задницы, то выбрала неподходящий момент...»

- Не смотри на меня так! И не ори!

Я это сказала, потому что посмотрели на меня и впрямь странно. И показалось, что гневный упрек сейчас разнесет салон. А я отвыкла, слава богу, от криков, потому что в моей жизни орал на мать только пьяный отец, но уже давно ни его, ни матери на свете в живых нет. Люди ушли, а аллергия на ор осталась.

Водитель настолько резко затормозил машину, что я только теперь оценила момент пристегнутого на теле Лейлы ремня безопасности. И впервые сумела рассмотреть лицо моего соседа, потому что он повернулся, потому что приблизился.

«Боль тоже настоящая...» - там, где впился ремень, саднило плечо.

- Послушай меня, - произнес водитель, который смотрел теперь в упор, - или ты делаешь свою работу, или я ссаживаю тебя на обочину. Я вызвался тебя терпеть, потому что ты профессионал. Потому что у нас миссия. Но попробуй в дороге меня не бесить.

Это было совершенно некстати, но часть меня млела от его глаз. Светлых, совершенно ледяных. А еще очень умных. В этот момент я решила, что это все-таки сон, что это все ненастоящее – машина, сосед, приключения. И значит, бояться не стоит. Страх от этого, конечно, не ушел, но хотя бы притупился.

Мне очень хотелось дать какой-нибудь вразумительный ответ, выудить из памяти нужный поворот, чтобы от меня, наконец, отстали, но вот беда – эмоции от прежней хозяйки остались, а вот воспоминания - нет. Хотелось назад, в свое платье, в коридор «МедиаКома» или же в постель. Хоть куда, только подальше от чужой ночи, машины и человека, чей недобрый взгляд раскладывал на атомы. Этот взгляд обездвигивал и тело, и мозг, он пропускал через себя столько силы, что делалось дурно. Красота и жесть. Я вспотела под чужой одеждой, мне нужно было на воздух...

«Проснись, Марианна... Отсюда нужно уходить...»

Обычно столь четкие мысли всегда прерывали сновидение, но не в этот раз.

- Я... постараюсь...

«Что у тебя с башкой?» - наверное, хотел спросить мой попутчик, но сзади послышался шум моторов, вдалеке еще замелькал свет.

- Черт, нас догнали...

И наш собственный автомобиль рванул с места.

Проснуться для меня стало не просто желанием - необходимостью. Но увы.

- Бери растяжки... Ставь! - заорали мне.

Хорошо, что темно, хорошо, что он не видит моих выпученных от ужаса глаз. Вот теперь точно засада. От моих действий что-то зависело, эти действия нужно было предпринимать быстро, но я застыла столбом, никак не могла заставить себя начать двигаться. Даже соображать толком начать не могла.

- Что такое... растяжки? Где... они?

Безымянный человек лишь качнул головой на грани гнева и отчаяния - мол, что с тобой, дура?

- Считай, что у меня провал... в памяти. Говори, говори словами, что делать? Как новичку...

Секундная пауза - нас кто-то догонял.

- Заднее сиденье. Растяжки в коробке, выдави наверх окно, после активируй...

Я поняла, что легче не стало, что сейчас я впаду не в ступор, а в истерику.

- Давай... ты сам!

Наверное, за то, что я сейчас делала, за то, как себя вела, он наколотит этой Лейле зад. Если они оба - если мы - останемся живы.

- Держи руль!

Он не спросил, умею ли я это. Слава богу, руль держать я умела, потому что месяц назад сдала на права. Машины своей еще не было, не накопила, но баранка под пальцами уже не пугала.

Мужчина в однотонной форме, похожей на военную, перегнулся со своего места назад, боком втиснул себя между сиденьями, начал чем-то шерудить. Именно он выдавил заднее окно, которое поднялось, именно он чем-то пикнул, что-то включил. А потом бросил в тех, кто нас преследовал...

Я же думала о том, что все, что происходит, попросту невозможно. В салон влетал ветер. Запах леса вокруг, травы, теперь еще дыма и гари. От одежды моего соседа пахло порохом и парфюмом, который почти выветрился. Я всегда отличалась хорошим обонянием, умением отличать запахи, умением ощущать их кожей. И их не должно было быть ни в одном самом ярком сне.

Прогрохотало один раз - я боялась отвлекаться на зеркала. Прогрохотало второй - что-то взлетело позади, озарив светом пламени окрестности. Руль держать было сложно, он был большим, машина увесистой, я потеряла килограмм пять от напряжения за такое же количество минут. И уже почти не помнила себя от ужаса, когда водитель захлопнул окно, когда вернулся на свое место и принял обратно управление.

На пассажирское сиденье я стекла кем-то, похожим на обессиленный слайм.

В воздухе витала злая укоризна - я только что кого-то подвела. Кололось льдом молчание.

А я все смотрела на чужие женские пальцы с короткими ногтями, под которыми была грязь.

Я сделала маникюр на прошлой неделе, мои руки были чистыми, на ногтях нюдовый гель-лак - мне обещали, что он продержится месяц.

Каким образом из коридора высотки, где расположилась компания «МедиаКом», я попала сюда?

Стоило мне подумать «как вернуться обратно?», как мир качнулся еще раз. Поплохело.

И картинка сменилась.

(VideoHelper - Elegant Murder)

Здесь

Я вновь сидела за своим столом в кабинете, передо мной закрытый отчет. Не верилось, что более не ходило ходуном кресло под пятой точкой, что не трясло салон – салона не было. Были светлые стены, солнечный свет, закрытая дверь и розовый стикер со списком покупок. Шок и оторопь накрывали сильнее, чем тогда, когда в первый раз качнулся мир.

«Я схожу с ума?»

Неужели я уснула прямо в рабочем кресле? Получается, я еще не шагала по коридору, не поправляла пряжку ремня, не думала о том, балансирует ли мой деловой образ шарфик?

Но второй мир пребывал в сознании столь плотным, будто стал отгорожен лишь незримой и тонкой пеленой. В нём все так же куда-то несется по ночной дороге автомобиль, стеной стоит лес...

«Это был сон, Марианна...»

Наверное, так бывает, люди иногда сдвигаются по фазе. Переутомление, накопившийся за три недели стресс, хотя спала я ночами хорошо, ложились до полуночи, высыпалась.

Не успела я выдохнуть от облегчения (каким бы образом ни объяснялся с научной точки зрения мой глюк, он все-таки был просто глюком), когда в кабинет, не постучавшись, вошел Роберт Альбертович. Босс.

И рычать, что было ему совершенно несвойственно, начал с порога.

- Марианна, как можно было так... опростоволоситься на конференции? Что за выкрутасы?!

У меня похолодело в районе желудка. Нет, только не это...

- Вы вели себя в высшей мере неподобающе, я бы даже сказал, вызывающе... Для чего был весь этот спектакль, можете мне объяснить?

Теперь я знала, что тошнить может начать на пустом месте – уже пронзило мозг понимание, что мое отсутствие в этом мире сном не являлось. Оно и было отсутствием.

Роберт – сухощавый, прямой и высокий - махал руками.

- Можно ведь было предупредить? Мы позвали бы Лиду. У неё, конечно, не такие полные познания языка, как у вас... Но то, что вы, простите,... учудили!

Я потеряла лоб – стало чуть легче, потому что пальцы были холодными.

- Скажите... совещание... уже было?

Начальник прекратил жестикулировать, устался на меня поверх очков в высшей степени укоризненно.

- А вы не помните?

- Извините, у меня... провал в памяти. Плохое самочувствие.

А что еще я должна была сказать?

- Это... никуда не годится, Марианна. Еще один такой «провал в памяти», и провал появится в вашей трудовой. Скажите спасибо, у меня сегодня родился внук, и я не готов портить этот день злыми решениями, но если еще хоть раз...

Роберт вышел из кабинета, качая головой. Он не договорил, но смысл был ясен нам обоим.

Черт!

Я влипла дерьмовее некуда. Мало того, что сама не могла разобраться в происходящем, так и напортачить успела. Причем не я, а эта самая Лейла – не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы сложить два и два. Если я пребывала в её теле, то она наверняка пребывала в моём!

«Так не бывает!»

Теперь я почти не сомневалась в том, что бывает всякое.

«Нет, Мари...» - именем Мари меня называла мать, женщина строгая, волевая, упрямая. И это самое упрямство я унаследовала от неё, в прошлом директора начальной школы захудалой губернии захудалого района, откуда я переехала после смерти родителей. Попросту не было сил смотреть на родные места, хранившие воспоминания детства.

Не успела я погрузиться в анализ произошедшего, как тренькнул сообщением телефон. Сообщением не личным, но появившимся в общем канале работников «МедиаКома». С заголовком «Во Кравец учудила!»

Впору было ударить себя ладонью по лбу.

Но вместо этого я нажала на «треугольник» воспроизведения.

Да, я была там. На совещании. Я, которая не я. Снимала, по всей видимости, стенографистка Даша – в другой раз я бы высказала ей за неисполнение своих обязанностей, но именно сейчас мне было важно всё увидеть воочию. Итак, конференц-зал, слева - начальство «МедиаКома», справа - иностранные партнеры. Роберт, взяв слово, начал приветственную речь...

Я приблизила видео настолько, насколько смогла.

Лейла осматривалась. Было очевидно, что ей не нравилось находиться среди незнакомых людей, но – хвала её выдержке – контроля над эмоциями она почти не потеряла. Не пыталась щупать платье, грудь, рассматривать свои руки. Вероятно, кто-то подловил её в коридоре, проводил до конференц-зала. И в нём она озиралась подозрительно, после сняла с шеи душивший её, как мне показалось, шарфик, завязала им волосы в хвост.

И это при всех. Игнорируя косые и прямые взгляды – мне становилось душно. Я бы на её месте сидела тихо и в высшей степени прилично, натянув на лицо благожелательное выражение. Но не она, не та, которая заменила меня на совещании. Лейлу не интересовало, что Роберт пытаясь шутить с партнерами, являя миру свои корявые познания английского, как раз произносил: «We happy to see you there...»

«Here» - поправила я его автоматически, не отрывая взгляда от «своего» лица. И оно изменилось, да, мое лицо, черты стали жестче, взгляд прищуренным, очень цепким. И осматривал этот взгляд помещение на предмет входов-выходов, камер, сигнализаций, датчиков. Скользил по потолку, стенам...

«Да она такая же, как тот мужик в машине... Они точно – пара».

Несколько человек засмеялись над шуткой Роберта, когда Лейла, не обращая внимания на присутствующих, поднялась и подошла к окну. Проверила, какой этаж, наличие балконов?

Я качала головой. Мне должно было быть в этот момент стыдно, но мать отучила стыдиться, равно как и обращать внимание на чужое мнение. Только кажется, что быть дочкой директора школы – участь завидная. Наоборот. Плевать, какие сообщения поплывут в чате под видео, жаль, что я подставила Роба, которого уважала.

Накренилась запись, потому что накренился телефон в руках Даши. После на мою фигуру навелся зум.

- Марианна Алексеевна, все в порядке? – кто-то из директорского совета вежливо прокашлялся.

И Лейла не отреагировала, конечно нет. Она не знала, что это её имя. Им пришлось окликнуть её трижды. Уже закончил говорить Роберт, произнес часть вступительной речи иностранный партнер.

- Будьте так любезны, переведите нам слова уважаемого мистера Паркса.

- Что?

Она даже говорила ниже, чем я.

Директора и партнеры переглянулись.

- Вы же здесь переводчик. Будьте добры...

- Я без понятия, о чем он говорил, - она ответила как отрубилась, - сами этим занимайтесь. А после просто вышла из конференц-зала! Чхать она хотела на чужое мнение и на приличия; вероятно, ей тоже нужно было прояснить, как она попала туда, куда попала.

Воспроизведение завершилось, под записью уже значилось четыре комментария – я не стала их читать, положила телефон на стол, задумалась. Однажды я сообщила матери, что, когда вырасту, стану следователем, и она так на меня посмотрела, что тему я более поднимать не смела. Аналитический ум из моей головы, однако, никуда не делся.

Стремно, конечно, на душе, ничего не понятно, муторно.

Но я продолжала думать.

Очнулась я, сидя в своем кресле в кабинете. Значит, Лейла из конференц-зала направилась сюда. Как она узнала, куда идти? Кого-то спросила? Наверняка.

И я тут же сняла трубку стационарного телефона, набрала сервисного инженера, ответственного за видеонаблюдение.

- Дима, можешь дать мне запись с камеры из моего кабинета за последние пятнадцать минут? С меня коньяк. Качественный.

Хорошо, что камеры две недели назад установили по офисам, очень, как оказалось, вовремя.

Дима, конечно, противился – ему, дескать, запрещено. Я давила на то, что не прошу отрезок с общей проходной. На вопрос «у тебя что-то пропало из личных вещей?» ответила положительно. Это поставило дополнительную гирьку на чашу, и весы склонились в мою сторону.

- Ладно, - ответили мне, - запись такого отрезка будет слишком большой для почты, дам доступ через программу на твоём рабочем столе. Пароль сейчас скину в чат. И... пусть коньяк будет хорошим.

Вот я и начала тратить деньги, не успев их заработать. Сколько стоит действительно хороший коньяк? Пять тысяч, десять? Наверное, верхнего предела не было вовсе.

Нервная и раздраженная, лоб я терла до того момента, как очередным сообщением тренькнул мессенджер. В сообщении заветные два слова: «Login... PW...»

И вот она на экране моего компьютера. Лейла.

Она вошла в кабинет, закрыла за собой дверь, осмотрелась. И не на людях стала более смурной, взволнованной – только теперь вытянула перед лицом руки, какое-то время на них недоверчиво смотрела. Представляю, как странно было ей из машины переместиться в солнечный день, в тело девушки в платье и с прекрасным маникюром. Приключение, блин... Вышло, что влипли мы обе, и неясно, кто или что этому причина.

После секундного замешательства лже-Марианна Алексеевна быстро прошагала к висящей на стуле сумочке, вывернула прямо на пол её содержимое. От подобной дерзости я поперхнулась. Лейла же осматривала всё, что могла найти, и дольше всего она вглядывалась в паспорт с моим именем. А после в зеркало от пудреницы. Я руку могла дать на отсечение, что моя внешность ей не зашла – уж больно презрительно-холодным стало выражение лица.

«Можно подумать, ты красивее меня...»

К слову, я не рассмотрела лицо Лейлы в машине, было как-то не до того.

Вещи обратно она сгребала быстро, почти неряшливо – лишь бы упихать. После, ошарашенная, опустилась на мой стул (на котором я впоследствии и проснулась), принялась листать открытый отчет, лежащий на столе. Поняла из него, по всей вероятности, мало, задумалась, принялась автоматически чиркать ручкой на полях...

«Вот сволочь! Это же чистовой вариант!»

В отчете, который я открыла, и правда виднелись каракули – придется всё перепечатывать. Недоумевающая Лейла, напоминая меня саму, какое-то время терла лоб, после закрыла папку и откинулась на стуле. Видимо, для того чтобы подумать о ситуации, проанализировать случившееся.

Но случился обратный своп (“Swar” – на английском «обмен», «перенос»), и вместо Лейлы глаза в кресле открыла уже я.

Мне ничего не было понятно. Ровным счетом ничего, кроме того, что странная ситуация задела нас обеих – меня и Лейлу. Почему именно её? И почему меня? Почему не Дашу-стенографистку, например?

Накатывал страх, тревожность и неуверенность. Я никогда не любила не уметь что-либо объяснить, возможно, поэтому прилежнее всех изучала физику. Чтобы не молиться, как абориген затерянного острова, на удар молнии.

Но объяснений тому, что мы с Лейлой пережили, не существовало.

Или же их предстояло найти позже.

Не успела я нагнуться к сумочке, чтобы попытаться разложить вещи в нужном мне порядке (на Лейлу я почему-то не злилась – она тоже пребывала в шоке), как в кабинет кто-то постучал. Очевидно, не Роберт – последний никогда не стучал.

- Тук-тук? – вошел Эд, которому я не ответила на сообщение утром. – Не занята?

Очень хотелось ответить «занята». Я не грублю без причины, но меня тоже можно выбить из колеи.

Эдуард – видный мужчина, холостяк с хорошей должностью, хитрыми глазами и стильной шевелюрой из выющихся волос. В общем, как я сразу поняла по слухам, когда устроилась в «МедиаКом» – местный плейбой. Неплохое тело, видевшее раза три в неделю качалку, отглаженная белая рубашка. Мне почему-то казалось, что гладила ему её утром очередная пассия «на раз».

- Что ты хотел?

Этот прохладный тон я переняла у мамы. Он отбривал на лету всех визитеров.

- Хотел узнать... как ты?

Почему-то стало противно. Есть такой сорт мужчин, который любую ситуацию использует себе на пользу. Утешит девушку, когда нужно, протянет руку сочувствия и помощи, чтобы после она отблагодарила его в постели. С этим не ко мне.

- Все нормально.

Видимо, перебрать сумочку придется чуть позже.

- А по записи с конференции не похоже. Ты чего курнула этим утром, Марьяна?

Я не Марьяна, я – Марианна.

- Не курю.

Эд уже понял, что его сочувствие мне не требуется, и быстро вошел в защитно-обвинительный режим, перескочил на цинизм.

- Вообще-то, я хотел поддержать. Чего кусаешься? Ну, перебрала накануне с бабами... У Данки, вон, тоже голова болит, Ленка мается похмельем...

- Я не ходила с ними в клуб.

- Тебя же звали?

Не на каждое приглашение я отвечаю согласием.

- Я уже тебе сказала.

Мне хотелось прочь из четырех стен, на улицу, сесть на лавку, выдохнуть, успокоиться. Очень вовремя в очередной раз съязвил Эд:

- Да, Роберт попросил меня передать, что на сегодня ты свободна...

Отлично. Я никогда еще с такой скоростью не собиралась на выход. Уже покинула собственный кабинет, когда вслед долетела фраза-игла.

- ... этот день он тебе оплачивать не будет, так и сказал...

Я не стала оборачиваться и отвечать, поняла только, что как только окажусь снаружи, аккаунт Эда попадет в бан.

Глава 2

Глава 2

(Chord Overstreet - The Only One)

Говорят, что сильным людям никто не требуется – это неправда. Сильные люди умеют держать эмоции в руках, не показывают слабости, делают вид, что всё всегда контролируют. Не всё и не всегда. Сильным тоже нужна поддержка.

У меня таковой не было.

Мне вспоминалась мать, но почему-то чаще материнского всплывал в сознании образ Алевтины Олеговны, работавшей когда-то школьным психологом. Вот к кому я могла бы обратиться за поддержкой, как в детстве. Когда не обнимала мать, я шла к Алевтине, жившей двумя этажами ниже нашей квартиры, притворялась, что меня отправили за солью, мукой, яйцами... Врала. Но меня звали на чай. Выслушивали, утешали, понимали с полуслова. Трепали по руке; и в старенькой чужой квартире было тепло.

Жива ли Алевтина сейчас? Связь давно потерялась. Поколение родителей уходит быстро – то один, то другой...

Именно ей, старушке уже, я могла бы признаться в том, что схожу с ума, что у меня, наверное, начинается шизофрения. Быть может, в ответ на это я услышала бы хоть что-то одобряющее – «мол, это лечится, всё нормализуется...»

Мне было страшно.

Мысль о том, что всё произошедшее утром – никакое не чудо, не приключение, а заболевание - посещала меня все чаще. В чудеса я не верила, а вот под симптомы расстройства мой «глюк» очень даже подходил. Неужели этот день изменит все на «до» и «после»? Что я узнаю, если решу пройти обследование? Не найдут ли у меня, двадцатисемилетней, опухоль мозга? Не подпишут ли, поставив сверху медицинский штамп, некий другой ужасный диагноз?

Никто не хочет страдать. Никогда. Ни по своей воле, ни против своей воли, и от мыслей о чем-то пугающем я отдергивалась, как от холодной шкуры ползущей слишком близко змеи.

- У вас всё в порядке? – об этом меня спросил бариста в кофейне – молодой парень с темными вьющимися волосами. Чья-то мечта: высокий, накачанный.

- Почему вы спрашиваете?

- У вас руки трясутся.

Мои руки и правда тряслись.

- Все в порядке.

Сильные люди не признаются в слабостях.

Солнечный день; кофе на вкус горчил. Говорят, в каком ты настроении, таким все и ощущается. Очевидно, мое настроение было ниже плинтуса. Раз за разом я думала о том, что вероятнее всего никуда не перемещалась. Моё сознание сыграло шутку – мысленно перекинуло меня в другой мир, в другую личность, в то время как вторая – незнакомая мне личность – взяла бразды управления телом на себя. Лейлы не существовало, машины тоже, существовало моё раздвоение. Размышления об этом жгли и ошпаривали. Нельзя вот так в двадцать семь в самом расцвете сил узнать, что ты «того».

Зачем я взяла черный кофе, почему не капучино, как обычно? Очередной глюк? Нервное расстройство? Черную жижу я сумела выпить до половины, остальное выбросила в урну вместе со стаканом, и да, купила-таки газету в киоске, хотя мысленно била себя по рукам.

Искомые номера в количестве трех штук нашлись на одной из задних страниц. «Гадалка... Ведьма в третьем поколении... Колдун...»

Я ведь не собиралась этого делать?

«Мне только спросить» - как часто говорили, заглядывая вперед очереди в поликлинике. Вот и мне - только спросить...

- Алло? – я умела копировать мамин холодный тон – тон чиновницы Государственной думы. – Здравствуйте. Сразу скажу, у меня достаточно денег. И меня интересует такой вопрос... Положим, я хочу поменяться с другим человеком телами – это возможно? Сохранив в чужом теле свое сознание...

Ответила мне незнакомая бабка. Что удивительно, не отправила сразу, какое-то время молчала. После изрекла.

- Деточка, я долго живу, ритуалов знаю много. Уж не в первом поколении ведаю, но о таком не слыхала. Сознание считать чужое. Намерения вычислить, эмоции - но чтобы телами...

Бабка не велась на деньги, и её словам я, к своему сожалению, верила. Проблема заключалась в том, что мне хотелось найти объяснение тому, что случилось, без плохих диагнозов в моей медицинской карте.

- Значит нет?

- Нет.

Она хотя бы была честна. И я нажала отбой.

Упрямо поджимая губы, набрала второй номер, повторила свой вопрос. И вежливая секретарша пошла передавать его некоему колдуну «Вениамину» - мне был слышен их тихий разговор. После каблуки процокали обратно к телефону, и раздалась короткая гудка.

Я печально кивнула. Значит, «Вениамин» ответил «не отвечай этой сумасшедшей» - и без слов всё ясно.

Но третий номер все-таки набрала – врожденное упорство требовало завершить процесс.

- Слушаю вас, слушаю... – голос на том конце женский, зрелый, сально-приветливый. – Телами, говорите? Расскажу, как, объясню, кто может, но информация дорогая, стоит будет двести пятьдесят тысяч...

Шарлатанка. Теперь отбой нажала я. Врущих людей я чувствовала за версту: дама на деньги падкая, такой врать, как дышать. Напридумывает несуществующую личность, возьмет втридорога. И ответственности никакой – мол, ищи-свищи некоего «Иван Николаича по деревне в Оренбургской области...»

Значит, на мой вопрос все три ответа - «нет». Легче не стало.

Я потерялась, я не знала, куда идти, что делать. Вернуться домой, отоспаться или сразу записаться в поликлинику? Снова и снова вспоминалась Алевтина Олеговна. И мама. Пусть она бы по обыкновению не обняла, но с ней было спокойнее, надежнее. И я обняла бы её сама.

Отчаянно хотелось плакать, но ведь ты взрослый, и на улице не положено.

Когда вдруг зазвонил сотовый, я успела подумать о шарлатанке, решившей убедить-таки меня отдать ей «большие деньги», о спамерах и даже о начальнике с работы.

Но на экране высветилось имя «Влада Жукова».

Мы дружили со школы, мы сидели за одной партой. Разошлись, когда оперились, отрасли каждый свои крылья. Я подалась в Москву, она еще до того уехала в Питер поступать в театральный. Провалилась, подала документы в педагогический, но не задержалась даже там, вернулась в родные края, продолжила обучение дома. Почему звонила теперь, столько лет спустя?

- Привет, Марьяша! – голос звонкий, заводной, совсем как когда-то. И только ей допускатось звать меня «Марьяшей». – Жива-здорова? Слушай, у тебя же квартира недалеко от вокзала? Можно перекантуюсь у тебя несколько часов до поезда?

Я могла оказаться на работе, но не оказалась. Я могла сейчас отказать ей, сослаться на занятость, на недомогания, на что угодно. Но вдруг поняла, что мне тяжело одной, что мне легче в компании. Не обязательно ведь рассказывать о проблемах?

И я кивнула, хоть она и не видела. В трубку ответила просто:

- Приезжай.

Её поезд уходил вечером.

Влада изменилась внешне – стала более грузной, похожей на тетку, но задор в душе не растеряла. Так и практиковала легкий подход по жизни ко всему, и я радовалась тому, что могу отвлечься от собственных мыслей, нарезая салат.

Хорошо, что в холодильнике отыскалось вино, сыр, фрукты – всё для душевных посиделок, если бы мое настроение располагало к душевности.

И хорошо, что говорила в основном она.

Про Митича со второго этажа, который поругался с жилищным комитетом, про бабушку Аглаю, которую дети забрали жить на юг, про Серегу из параллельного класса, который ушел служить в полицию – Серегу, признаться, я почти не помнила. Влада восторгалась моей съемной квартирой, видом из окна, но хаяла Москву – мол, шумно, суетно, грязновато. Упрекала она и новую директрису школы, где когда-то работала мать – мол, командует унтерша, спускает на учителей всех собак...

Мы накрыли стол. Я пила и слушала, слушала и пила.

А Владка трещала, как радиоканал. Рассказывала, что прошла курсы массажа, ароматерапевта, что хочет, если повезет, устроиться в местный салон красоты. Что читает книги по эзотерике и астрологии – «а что, область-то востребованная, может, в жизни пригодится?» Сама шутила, сама смеялась, моё молчаливое настроение замечала, конечно, но в душу пока не лезла, и на том спасибо.

Мы всегда были «несовместимыми» по характеру, но дружили. Я правильная, сдержанная, молчаливая. И она – лезущая во все дыры, обожающая приключения. Наверное, если бы ни ее душевная щедрость на добрые поступки, Владка казалась бы мне простоватой, может даже глупой. Однако, «глуповатой» она обожала прикидываться, хотя на деле имела ум довольно цепкий.

- Ты сама-то как?

Вот и настал момент «допроса».

Я умела отвечать обтекаемо – все хорошо. Работа нормальная, мужчины пока нет, но все впереди.

Она кивала. Но становилась всё серьезнее.

- Если всё хорошо, то почему глаза такие грустные?

Пришлось увести тему обратно на неё – мол, по каким делам в Москву приезжала? Это временно сработало, радио включилось вновь. Оказывается, отец Владки, когда женился во второй раз, переехал в столицу, даже начал тут мебельный бизнес. Хотел предложить дочери роль партнера, если та согласится, если захочет переехать, вникнуть в дела. Дочь ответила, что «подумает», ощутила себя в чужих стенах некомфортно и решила податься на вокзал пораньше.

Я заедала вино сыром. И потихоньку пьянела.

У кого-то родителей уже нет в живых, а у кого-то в самом расцвете сил – вот как бывает. Кто-то почил, кто-то вошел в расцвет своей личной финансовой эры. А в какую войду я? Эру посещения людей в белых халатах? Нельзя об этом сейчас... Впервые подумалось, что зря я пригласила подругу, нужно было отлежаться, пролить слезы в подушку. А теперь никак.

- Марьяш... - Она увидела, конечно. Она знала меня как облупленную еще со школы. – Что-то не так у тебя. Рассказывай.

Когда тебе плохо и когда говорят «рассказывай», очень хочется поддаться. Вот только как поведать историю, отдающую душком безумия?

- Нормально всё.

- Нет.

Вот теперь её взгляд стал рыболовным крючком, засевшим в моих потрохах. Не вытащишь без надрыва.

Время за беседой течет незаметно, и чуть хмельными стали мы обе. Весна, и солнце уходит на посадку рано; день перетекал в закат.

Она знала, что я «орех» в скорлупе, что кремень, что правду просто так не вытащишь. Но нашла верные слова.

- Я ведь всегда была за тебя, помнишь?

Она действительно была. Когда я рыдала от первой неразделенной любви, когда давала ей читать записи в своем девичьем дневнике (я вела такой, пока его не обнаружила мать), когда я разозлилась на Пашку Аксенова настолько, что выбила ему камнем окно в спальне. Мне было четырнадцать, а Пашка мучил во дворе собаку... Я многое могла стерпеть, но несправедливость к животным – никогда. Да и камень хотела кинуть больше для того, чтобы выпустить наружу гнев, но окно частного дома оказалось хрупким. Или же камень слишком большим.

Это Владка тогда взяла вину на себя перед моей матерью, ибо дочь директрисы не имеет права так себя вести. И если бы правда вскрылась, меня за испорченную репутацию не простили бы долгие годы.

Были и другие происшествия, и подруга каждый раз выручала просто потому, что не могла и не хотела иначе. Это я и называла её «душевной щедростью».

И я вернулась в детство, её взгляд вернул. Тот самый взгляд верного друга, всегда подставлявшего плечо.

- Говори уже, не томи...

- Да плохо всё на самом деле, – вот я снова маленькая, снова в родном городе, и мне четырнадцать. – Я думаю, что схожу с ума... Заболеваю.

- Ты? Не верю!

Она хлопнула ладонью по столу так браво, что подскочили вилки и бокалы.

И мне почему-то полегчало.

(Shofik - Yesterday)

Я рассказала ей всё от начала и до конца. От момента, как мир покачнулся в офисном коридоре до собственной печали на лавочке после обзвона «гадалок». Более всего я боялась увидеть, как завуалированно изменится взгляд напротив – с любопытства и сочувствия на притворно дружелюбное отторжение и желание поскорее из этой квартиры уйти. Никто не желает поддерживать психопатов, находиться рядом с ними.

Но Владка жевала губы. Я давно заметила, что в сложные моменты она становилась серьезной, глубокой и такой же, как я, упрямой. Может, в прошлой жизни она была полководцем? Зависшая над столом пауза после рассказа меня тяготила; подруга отхлебнула вина, сложила руки на груди и изрекла.

- Знаешь, на что это похоже?

- На шизу?

- На фантастический фильм.

Да уж. Легче мне не стало, хотя чего я ожидала? Тему нужно было как-то аккуратно свернуть, может, перевести в шутку – я почти пожалела о признании, но Влада, как таран, не собиралась сходить с колеи. Если уж она бралась помогать, то включалась по полной.

- Я когда начала читать книги по эзотерике, столько всего вычитала... - добавила она задумчиво. – Если бы ты знала, сколько всего с людьми случается... чудес.

- Да уж. Нашла чудо.

- А почему нет? Вполне может быть, что имеем дело с одним из таких вот загадочных явлений, которые иногда упоминают в книгах. Что мы вообще знаем о чудесах?

- Что их не бывает.

- Вот! – она наставительно подняла палец, но со мной не согласилась. – О том, что те, кто с ними столкнулся, этим уже не делится. Понимаешь, не каждому выпадает...

- Лучше бы мне «не выпадало».

- Ты этого пока не знаешь.

Мы однозначно захмелели. Однако ощущение, что нам по четырнадцать и мы вляпались в какую-то тайну, спасало ситуацию от излишней серьезности. Она была права – вдвоем легче.

- Знаешь, о чем я думаю? – Владка продолжала размышлять вслух. – О том, что ты жила двадцать семь лет и с тобой ничего подобного не происходило до сегодняшнего дня. Так?

- Так.

- Значит, что-то послужило триггером.

- Опухоль?

- Окстись! Что-то всегда, насколько я знаю, активирует странные события – некое происшествие накануне, контакт, необычное действие. Ты с цыганами не общалась?

- Я их за версту обхожу, ты меня знаешь.

Потихоньку закончилось вино и сыр; мы по очереди щипали с ветки на тарелке виноград. За окном все темнее.

- Всё равно. Было что-то необычное, вот я уверена.

Мне вдруг привиделась темная комната в лагерном кампусе много лет назад, куда нас отправили вместе. Скрипучая кровать, деревянная рама окна, пыльное стекло, разложенные на покрывале карты – мы тогда гадали на суженого. Было таинственно, жутко и немного смешно.

- Расскажи мне свой вчерашний день от начала и до конца.

- Зачем? Все было, как обычно.

- Вот и расскажи.

Я почти набычилась.

- В моих днях все всегда одинаково, я стабильна до зубного скрежета.

- Что-то отличалось.

- Утром в туалете пукнула два раза вместо одного?

- Смешно. Давай с самого утра, не пропуская деталей, – кажется, она взялась за меня всерьез.

Пришлось начать вспоминать.

- Утром я отварила яйца, нарезала овощи, собрала салат на работу. Доехала по обычному маршруту, ни с кем не говорила. Получила на руки для проверки отчеты; важных митингов не было. Я отсидела пятую точку в кабинете...

Владка откровенно скучала. Но скучала, как ястреб, который терпеливо выжидает, когда же из-за камня выползетмышь.

- ... в обед, правда, пролила кофе на рукав блузки, решила, что нужно купить новую, чтобы была замена, пока первая в стирке...

- Вот! – прогремело на всю кухню.

- Что - вот?

- Вот с таких мелочей и начинается ком необычных событий.

- Ну, конечно! – Не знай мы друг друга настолько хорошо, могли бы и поругаться, а так только пыхтели вхолостую. – Если бы каждый, кто проливал на рукав кофе, вляпывался в истории...

- Давай дальше!

- Я решила после работы зайти в торговый центр, походить по магазинам...

- Может, там были цыгане?

- Да не было там цыган!

Вино ослабило нам вентили эмоциональной сдержанности и веселья.

- Ты нашла блузку? Купила её?

Если она еще раз про цыган в метро по пути домой спросит, я её стукну.

- Нет, не нашла подходящую. Собиралась домой, но... вдруг увидела афишу про выставку.

- Какую выставку?

- Артефактов Древней Варравии на цокольном этаже.

- Аравии?

- Нет, Варравии – так было написано.

- Но такой страны нет и никогда не было.

Кажется, мы обе начали трезветь.

- Я тоже так сначала подумала, но после решила, что я могу чего-то не помнить, никогда не любила историю.

Владка даже достала телефон, открыла Гугл, начала вбивать что-то в поисковик.

- Ага, дальше, - пробубнила она, как сосредоточенный следователь.

- Ну, я решила сходить. Одинокие вечера, знаешь ли, длинные...

- Неодинокие тоже длинные, - подруга поморщилась, и стало ясно, что у неё в личной жизни не всё гладко.

Пока она вчитывалась в результаты поисковых запросов, я бубнила:

- Я туда спустилась по лестнице, внутри было довольно темно. Разные экспонаты на стенах, мониторы с описанием, но текст был такой мелкий, что я ничего не могла прочитать. И людей почти никого. Знаешь, удивила цена билета в две тысячи рублей... «за такое барахло» - так мне подумалось. Пахло чем-то непривычным, как будто ароматическими свечами... или древностью. Ко мне пристал местный «гид» по артефактам, начал с энтузиазмом вещать, хотя я уже хотела уходить. Он всё говорил: «Присмотритесь, вы такого нигде не увидите», мол, магия в чистом виде. Да какая там магия, Влада – захудалый подвал и какие-то маски на стенах. Ерунда. Я этому гиду сказала то же самое, и он обиделся, знаешь, так по-настоящему, заявил, что самую большую ценность они не успели выставить, но он готов мне её показать. Какой-то камень... Завел за кулисы, показал на пыльный алтарь, сказал, что, если я готова встретить свою судьбу, можно приложить руку...

- И ты приложила?!

- Приложила. И что? Ни искр, ни грома, ни света. Ни даже мурашек!

- И говоришь, что ничего необычного?! Ты приложила руку к магическому артефакту страны, которой никогда не существовало, и забыла об этом?

- В прошлом году я сидела на каменном стуле невест в Тунисе и замуж-таки не вышла.

Она даже хлопнула себя по лбу.

- И утверждаешь, что триггера не существовало? Ты потрогала «камень судьбы» вчера, и сегодня тебя швырнуло в другой мир. Хочешь, я тебя удивлю еще раз?

У меня во рту появился странный привкус. А на задворках сознания - щекочущая мысль о том, что Владка-следователь, может быть, права. О камне я и правда благополучно забыла, ибо ничего при соприкосновении с ним, кроме прохладной поверхности, не почувствовала.

- Нет в Москве такой выставки, на, смотри! – она повернула мне свой телефон экраном, почти что ткнула им в лицо. – Ни такой древней страны, ни такой выставки. Поздравляю, это не шизофрения, и ты все-таки вляпалась в приключение.

Про страну я и сама хотела позже прочитать, но этот момент благополучно выпал из моей памяти по возвращению домой. Плохие артефакты, никчемная выставка – зачем тратить время? Видимо, именно так решило мое подсознание.

Мы опять смотрели друг на друга, как в юности – пытливо, замороженные одной на двоих тайной.

- Хочешь сказать... камень сработал?

Я, конечно, в это не верила, но это объяснение мне нравилось больше, чем наличие болезни в моей голове.

- Очевидно, - крикнула Владка, - видимо, ты оказалась готовой встретить свою судьбу.

- В другом мире?

Она лишь пожала плечами, я же продолжала упираться.

- И меня закинуло в чужое тело?

- Наверное, камень не мог взять и выкинуть эту Лейлу из машины и посадить вместо неё тебя.

Мы вдруг начали смеяться.

Да, наверное, не мог. И если уж идти по этому предположению до конца, поменял наши сознания местами.

- А она тоже хотела встретить свою судьбу?

- Откуда мне знать? Слушай, - Владка встрепенулась, постучала ногтями без маникюра по столу (она вообще всегда ратовала за естественный во всем вид), – а мужик этот в машине хоть красивый?

Я умолкла. И пока я молчала, выражение лица подруги менялось.

- Значит, красивый. – Ответила она за меня.

- С чего ты взяла? Я не успела рассмотреть.

- Врешь, успела. Я помню у тебя такое же лицо, когда в параллельный пятый пришел Славка Рябинин...

Она слишком хорошо меня знала. Видимо, тогда «то самое моё выражение лица» заметили все и начали шушукаться и хихикать. Пришлось научиться его скрывать.

- Ладно, хорошо, мужик в машине и правда был красивым. Но злым, как собака.

- Не на тебя же, на эту Лейлу.

- Легче от этого не было.

- Когда узнает тебя лучше...

- Подселенку в её мозге, хочешь сказать?

Владка хрюкнула в бокал с вином, когда делала последний глоток. Оказалось, время незаметно слилось, и ей пора было на вокзал. Меня удивил отблеск печали в её глазах.

- Эх, где, ты говоришь, была эта выставка? Может, задержаться, тоже тот камень пощупать? А то у кого-то приключения, у кого-то серые будни.

- У тебя же Димка?

- А что Димка?

Стало ясно, что гражданский муж Жуковой уже почти «отжил своё».

Она пытливо смотрела на меня у самых дверей, просила с тем же пылом и жадностью, что и в пятом классе:

- Ты только держи меня в курсе, а? Рассказывай, как развиваются события.

Не хотелось, чтобы Владка уезжала, но ей было нужно назад.

- Буду, - я не соврала. Мне нужно было с кем-то делиться. – Если, конечно, будет продолжение. Может, то была «разовая акция» камня из Варравии.

Подруга, обуваясь, хмыкнула. Взгляд чуть соловый от алкоголя, но упрямый и веселый, мол, еще увидишь.

- Я есть в мессенджерах, - подытожила она, обняла меня и покатила свою сумку по каменному полу подъезда.

Я закрыла дверь и осталась в квартире с пустой бутылкой вина, пустыми тарелками и такой же головой. Растерянная, но уже не потерянная, запутавшаяся и чуть хмельная.